

Юрий Зобнин

Диалог как форма культурного бытия

«Культура — это универсальный механизм, который осуществляет саморегуляцию человеческой жизни. Разлаживается этот «механизм» — разлаживается и «жизнь», вне зависимости от масштаба ее проявления — на личностном, семейном, этническом или субэтническом уровне». Эти слова легендарного директора петербургского Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии Наук Н.Н. Скатова оказываются своеобразным «смысловым ключом» для фундаментального сборника материалов VIII-х Международных Лихачёвских научных чтений «Диалог культур и партнёрство цивилизаций», изданного С-Петербургом Гуманитарным университетом профсоюзов¹.

Проблема, вынесенная на конференцию, далеко не «академична» и актуальна не только для научного, но и для общественно-политического сообщества. О злободневной конкретике проблемы «диалога цивилизаций» со всей определенностью заявил на пленарном заседании посол по особым поручениям Министерства иностранных дел РФ В.В. Попов: «Россия, расположенная и в Европе, и в Азии, является, по словам Н.А. Бердяева, своеобразным «Востоко-Западом» и, видимо, самостоятельной цивилизацией. И поэтому могла бы сыграть, говоря словами Д.И. Менделеева, своеобразную роль примирителя. <...> Мы не случайно говорим об этом именно сейчас и именно здесь, на Международных Лихачевских чтениях. Тема диалога культур, диалога цивилизаций — это и продолжение деятельности самого Дмитрия Сергеевича, и следующий этап того, что заповедал академик, считавший, что забота о культуре во всей ее целостности — это дело всего мира, поскольку развитие культуры есть не только движение вперед, но и отбор в мировом масштабе всего лучшего, что создано человечеством».

Действительно, проблема «диалога» одна из важнейших в становлении современного культурного бытия, и отечественного, российского, и «общечеловеческого». Дело в том, что воля к диалогу вовсе не присуща как человеку, так и этносу имманентно. Гораздо более органична на уровне «бытовом», «общепонятном» воля к монологу, понимаемому как навязывание своей точки зрения, реализации своей «программы», никак не согласованной с мнениями и желаниями тех, среди кого подобная «программа» осуществляется. Знаменитые слова «подпольного человека» Ф.М. Достоевского о том, что миру должно провалиться, чтобы мне чай пить, в некоторых современных национальных культурах, сформировавшихся в условиях «однополярного» мира 1990-х гг., могут быть вполне восприняты в качестве позитивного лозунга. Вообще, созерцая только что минувший исторический период, можно прийти к заключению, что все события, связанные с финалом т.н. «холодной войны», стали и для победителей — США и европейских участников тогдашнего НАТО, — и для побежденных стран СССР и Варшавского договора, — глобальной историко-культурной «провокацией».

Первые в эйфории победы упустили — как это сейчас стало ясно — уникальный исторический шанс не «по силе», а «по совести» стать лидерами «глобального прогресса», утверждающего в планетарном масштабе принципы «цивилизационной гуманизации». Ведь «атлантисты» с их идеологией «общечеловеческих ценностей» даже в глазах подавляющего большинства их противников обладали в миг торжества над коммунистическими режимами на рубеже 1980-х — 1990-х годов безусловной моральной правотой. И то, что общественно-политическое credo академика Андрея Сахарова — «Мир, прогресс, права человека» — воспринимается теперь даже в интеллигентной среде (в лучшем случае) как романтическая декларация «утописта», связано, прежде всего, с

невероятной «коммуникативной глухотой» американцев и их союзников. Из всех форм цивилизационного общения с «побежденными» они в 1990-е годы избрали самую бесперспективную в стратегическом плане — «монологический» диктат, превратившись очень скоро в очередную историческую иллюстрацию правоты гениальной поэтической «заповеди» Александра Галича:

Не бойся зolia, не бойся хулы,

Не бойтесь пекла и ада,

А бойтесь единственно только того,

Кто скажет: «Я знаю, как надо!»

Кто скажет: «Всем, кто пойдет за мной,

Рай на земле — награда»

.....

Гоните его! Не верьте ему!

Он врет! Он не знает — как надо!

Вторые (прежде всего, — Россия), переживая депрессию исторического поражения, впали в некое коммуникативное самоуничижение («мы убо худии»), полностью отказавшись в 1990-е от каких-либо попыток «высказывания». Но только «молчать и слушать» для этноса, отнюдь не исчерпавшего свою жизненную энергию, не пребывающего в «гомеостазе» (если следовать терминологии Л.Н. Гумилева), опять-таки, стратегически бесплодно. Солдат должен понимать свой маневр, «ученик» должен общаться с «учителем», особенно если какие-то аспекты «ученичества» ему непонятны. Кстати, и для «учителя» подобное общение небесполезно — ибо и он объективно не застрахован от ошибок просто «по человечеству» своему: *errare humanum est*.

Наконец, в эпоху «холодной войны» был и «третий мир», не очень слышный тогда, но громко «заговоривший» сейчас, — причем также, в основном, исключительно «монологическим» образом, периодически иллюстрируя сказанное эффектными эскападами в духе авиационной атаки на Международный торговый центр 11/9...

Воля к межнациональному диалогу оказалась ныне практически утраченной. Более того — сами навыки «диалогического общения» в глобальной историко-культурной среде сейчас, как кажется, нужно вырабатывать заново. По крайней мере, — например, в свете последнего «кавказского эпизода» сентября 2008 г. — тематика «лихачевской» конференции в СПбГУП представляется своевременной.

Симптоматично, что в возникшей на конференции дискуссии ее тематика была опознана некоторыми из выступавших как «идейно провокационная». «Идеологическое обоснование» подобная точка зрения получила в выступлении профессора социологии

Йельского университета Иммануила Валлерштайна, утверждавшего, что диалог предполагает равенство: «Диалог вероятен только между равными, в противном случае он превращается в монолог. Аналогичным образом и партнёрство возможно только между равными, иначе оно всего лишь маска, скрывающая господство одной из сторон. Без достижения равенства поиск взаимопонимания между культурами будет безнадежной утопией». Под критерием же «равенства» здесь предполагался критерий «жизненного успеха», «достатка», «богатства».

И тут вспоминаешь великие слова Л.Н. Гумилева: «Неполноценных этносов нет!»², а также —если перейти на уровень личностный, —не менее великие слова Евгения Евтушенко:

Людей неинтересных в мире нет.

Их судьбы —как истории планет.

У каждой есть особое, свое,

и нет планет похожих на нее.

В том-то и дело, что именно диалог вероятен не между «равными». Диалог вероятен между «другими», и в этом и заключается, собственно, его смысл. Между «равными» (согласно терминологии И. Валлерштайна) свойственен скорее «обмен информацией» («стрелка», если принять другую, «блатную» терминологию). Диалог же начинается после того, когда хотя бы один из его участников искренно заинтересовался наличием «другого вне себя» —а какое это «другое», «равное» и ему или «не равное», —это вопрос второй.

Вопрос, поднятый И. Валлерштайном, очень симптоматичен. Ведь сознательной воли к диалогу в той культуре общения, которая формируется с 1990-х годов вплоть до наших дней практически нет. Культура эта —будь то открытый (и, в общем, достаточно тупой) диктат Америки в отношениях международных, или будь то (откровенно тупой) диктат «нуворишей» в отечественных обстоятельствах —предполагает изначальную «монологичность» (я, богатый/сильный, говорю, а ты, бедный/слабый, слушай). Главная беда тут в том, что создаваемая «монологичная» культура (история никого ничему не учит) оказывается «антикультурой», «культурой умирания». Именно об этом говорится в выступлении на конференции члена-корреспондента РАН Н.Н. Скатова, который указал не только на наличии собственно «культуры» в человеческом бытовании, но и на наличие «бескультурия», которое тоже весьма действенно и созидательно, однако эта действенность и эта созидательность ведут к тотальному разрушению, к «аннигиляции жизни».

«Бескультурие» в сфере коммуникативной и ассоциируется с «монологизмом». «Монологизм», кстати, свойственен юности, энергии, напору (та же Америка), —и связанным с ними эгоцентризмом и... слабоволием. Как известно, умение слушать и слышать другого дается далеко не каждому и воспитывается в себе сознательно. Искренний интерес к «другому —не —себе» есть результат собственно «культурной» обработки человеческой личности: культура тут непосредственно соприкасается с психологией коммуникации. «Диалог» —есть результат работы над собой, т.е. «культуры»

в самом первичной ('возделывание') смысле этого слова. По словам директора института философии РАН Абдусалама Гусейнова, «диалог <...> требует определенного уровня социально ответственного человеческого существования и развития».

В свете сказанного любопытным представляются те формы диалога, которые были рассмотрены в докладах конференции.

В докладе Директора Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровского речь шла о диалоге «культуры денег и культуры наследия». Эти «культуры», по мнению докладчика, сосуществуют сейчас во всем мире и везде находятся в конфликте. Как выйти на диалог между ними? Если не будет осознания того, что деньгам нужно культурное наследие, если деньги станут для нации целью, а не средством, то разрушительность «монолога денег» испытают на себе все «передовые» в культурном отношении нации.

Жорже Сампайо (Португалия), Высокий Представитель Генерального секретаря ООН по «Альянсу цивилизаций» говорил о «политическом аспекте» диалога между культурами различных этносов, о благотворном влиянии подобного диалога на «прагматику» взаимоотношений между современными государствами: «... Диалог цивилизаций, культур и религий возможен и необходим. Это лучшее средство от недоверия, изоляции, конфронтации, мощный стимул к взаимопониманию, терпимости, дружеским отношениям. <...> Каждая нация, культура, религия должна проявлять терпимость по отношению к другим, должна признать за другими право на самобытность. Те, кто проявляет непримиримость по отношению к представителям другой культуры и религии, могут не только навредить самим себе, но и вызвать нестабильную обстановку во всем мире.

Крайне любопытно была поставлена проблема эмиграции как своеобразного «диалога цивилизаций» в докладе В. Кошкарян (Франция, Университет Ниццы). Докладчик рассматривала историю невольной «интервенции» представителей русской культуры во Францию во время т.н. «первой русской эмиграции» (конец 1910-х — начало 1920-х гг.). Рассказывая о специфике проникновения русской культуры на Запад, Валентина Кошкарян опиралась на малоизвестные воспоминания русской актрисы начала XX века Дины Кировой, основательницы эмигрантского «Интимного театра» в Париже*. В пьесах, предлагаемых театру Кировой такими драматургами «зарубежья» как А.М. Ренников и И.Д. Сургучев, можно найти попытки осмыслить специфику «этнокультурного диалога». Вот, например, как рисует «обыкновенного, типичного русского, одного из тысяч, живущих в Европе» герой-француз в пьесе И.Д. Сургучева «Игра»: «...Я ненавижу этого человека и в то же время я влюблен в него! Влюблен! <...> Откуда он к нам попал? Какими судьбами? В конце концов, что мы знаем о русских? Знаем, что это какой-то странный и непонятный народ. Знаем, что у них какая-то нелепая революция, знаем, что они тысячами истребляют друг друга, знаем, что они дикари и едят сальные свечи, а с другой стороны, не угодно ли вам — Толстой, Достоевский, балет, театр, музыка?... Шалапин... Не угодно ли это все примерить? От них всего ждать можно. И, кроме того, есть в них какой-то непостижимый таинственный шарм».

Особой темой на конференции стал вопрос о «внутрироссийском» «культурном диалоге» в XX веке, ибо русское общество тогда оказалось расколото на противостоящие друг другу многообразные «составляющие» («советская Россия» и «зарубежье», «коммунисты» и «диссиденты», свободные и «лагерники» и т.д.). Весьма острый «культурный диалог» может идти здесь и внутри одной и той же социальной группы, обладающей противоречивыми «составляющими». Такой «внутриинтеллигентский» «русский диалог культур» был описан в докладе вологодского писателя и краеведа Валерия Есипова

«Дмитрий Сергеевич Лихачёв и Шаламов: два лагерника, два русских интеллигента». Анализируя лагерное творчество обоих, В. Есипов говорит о «большой степени духовного родства писателя и ученого, о, своего рода, постоянной переключке их во времени и пространстве (хотя они не были лично знакомы и никогда не встречались)». Докладчик утверждал, что базой для диалога у Лихачева и Шаламова была обоюдная воля к «демифологизации» образа «народа» в интеллигентском сознании. Несмотря на совершенно разные идейно-политические установки, Лихачёв и Шаламов постоянно пытались разобраться в противоречиях русского национального характера, в его не только положительных, но и отрицательных чертах. И если Лихачёв писал: «Несчастье русских — в их легковерии», но видел нравственную преемственность поколений (в том числе и «советских») то Шаламов утверждал: «Утрачена связь времен, связь культур — преемственность разрублена, и наша задача восстановить, связать концы этой нити».

Одним из самых парадоксальных выступлений на VIII Международных Лихачевских чтениях, широко обсуждавшимся на секциях и в кулуарах, было выступление профессора Российского института культурологии В.Л. Рабиновича. «Культура, — говорил он — это ансамбль монологов, такой оркестр, где все скрипки первые и каждая хочет, чтобы её услышали. Иные отношения здесь невозможны!». Однако, все-таки, хочется думать, что «последнее слово» во всей, состоявшейся на апрельском форуме дискуссии «о монологе» осталось за простой и безусловной в своей простоте установкой кинорежиссера Эльдара Рязанова: «Проблем в мире действительно много. Люди, которые пишут книги, картины, сочиняют музыку, это чувствуют. Может быть, они не могут сформулировать это так, как учёные, но выражают тревогу и боль в своих работах. <...> Потому что главная цель искусства — это соединять людей добром, а не разъединять злом».

Упомянутое выше выступление А.А. Гусейнова следует признать одним из самых ярких в вышедшем сборнике. В сущности, это была попытка обозначить «теоретические границы» обсуждаемой на конференции проблемы. Констатировав тот факт, что «фундаментальным противоречием эпохи» является противоречие между «интегрированностью» материальной сферы человеческой жизни и «разделенностью» «этико-культурной» и «духовной», А.А. Гусейнов предложил два возможных «сценария» разрешения этого противоречия. Первый — «вестернизация» всего человечества, т.е. безусловное принятие лидирующей роли Запада в современной истории и трансформация в единую цивилизационную модель всего многообразия «цивилизационных моделей». Второй сценарий — диалог культур.

Первый сценарий, по мнению А.А. Гусейнова, «может реализоваться только насильственными методами с самыми непредсказуемыми последствиями, вплоть до апокалипсических». Второй — «представляет из себя драматически противоречивый процесс, является ответственным вызовом каждой из культур, вступающим в режим диалога».

«Мудрость всякого диалога, — подчеркнул А.А. Гусейнов, — состоит в соединении общезначимого (универсального) с самобытным. <...> Проблема приобретает особую остроту и человеческую напряженность благодаря тому, что хотя культуры не равны (и очень сильно не равны) между собой, тем не менее все они претендуют на равенство. <...> Каждой культуре свойствен пафос истины». По мнению докладчика, «чтобы взаимодействия культур развивалось в режиме диалога, надо заблокировать пути конфронтации между ними» и утвердить в качестве общего правила «три взаимосвязанных запрета, которые являются несомненными и имеют безусловный, категорический смысл».

Запрет первый — на конфронтацию на культурной основе. «Это означает, что культурные особенности и различия не могут быть оправдывающими основаниями для каких-либо насильственных действий».

Запрет второй — на слова, действия, любые иные символически-знаковые проявления, которые могут восприниматься какой-либо культурой как оскорбительные.

Запрет третий — на абсолютистские претензии какой-либо из культур, на провозглашение своей культуры воплощением «высших истин и целей».

«Речь идет о том, — подытожил А.А. Гусейнов, — способно ли человечество выработать единый этос, подобно тому, как раньше его выработали отдельные народы и культуры, сможет ли оно общность основополагающих нравственных принципов дополнить общностью нравов, привычных форм повседневной жизни. <...> Глобальный этос — это не мечта или фантазия. Он реально произрастает в современном опыте международных, межкультурных взаимодействий, тогда, когда это взаимодействие приобретает форму диалога. <...> Глобальный этос допускает и даже предполагает многообразие национальных этосов, подобно тому, как в рамках национального этоса существуют множество субэтосов — этнических религиозных и семейных. <...> Подобно тому, как астрономическое пространство не отменяет пространства географического, так глобальное культурное пространство не отменяет пространства национальных культур».

Хочется надеяться, что вышедший в С-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов сборник материалов VIII —х Международных Лихачёвских научных чтений «Диалог культур и партнёрство цивилизаций» найдет своего читателя в самых широких кругах отечественной и зарубежной общественности. Ведь, как утверждал академик Д.С. Лихачев, «культура — это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации».

Примечания

1 Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Международные Лихачевские научные чтения, 22-23 мая 2008 г. —СПб.: Изд-во СПбГУП, 2008. —528 с.

2 «Сама идея “отсталости” или “дикости”? —писал Л.Н. Гумилев, —может возникнуть только при использовании синхронической шкалы времени, когда этносы, имеющие на самом деле различные возрасты, сравниваются, как будто бы они сверстники. Но это столь же бессмысленно, как сопоставлять между собой в один момент профессора, студента и школьника, причем все равно по какому принципу: то ли по степени эрудиции, то ли по физической силе, то ли по количеству волос на голове, то ли, наконец, по результативности игры в бабки» (Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1993. С. 385).

*Основные цели организованного Кировой в Париже «Интимного театра», сформулированные в специальном «манифесте» гласили: «1) не дать русской молодежи, разбросанной в эмиграции, забыть русский язык, русских классиков, русский быт, историю и лучшие стороны прошедшей (и уже им незнакомой) русской жизни в лучших произведениях русских писателей и 2) дать возможность взрослой части русской эмиграции вспомнить то же, и минутами, душой, уйти от чуждых условий жизни к воспоминаниям дорогого прошлого и величия России <...>». Этот творческий манифест

«позиционировал эмигрантский театр как особый вид театрального искусства». Там же выделялась курсивом ещё одна строка: «Служить эмиграции напоминанием о России».